

A.V. Sergeev (Moscow, Russia)

Йенс Петер Якобсен – первый датский писатель «Современного прорыва»

Аннотация: В статье анализируются эстетические взгляды и основные мотивы художественной прозы Й.П. Якобсена, активного участника культурного движения Г. Брандеса «Современный прорыв», ставившего своей целью создание верного жизни проблемного искусства. Якобсен внес заметный вклад в развитие литературы Скандинавии, которая к концу XIX в. вышла на передовые позиции в Европе.

Ключевые слова: эстетические взгляды, мотивы творчества, проблемное искусство, заметный вклад

A.V. Sergeev (Moscow, Russia)

J.P. Jakobsen as the First Writer of the “Modern Breakthrough”

Abstract: The article analyzes the aesthetic views and main artwork motives of Jens Peter Jacobsen, who actively participated in the Georg Brandes’ cultural movement “Modern Breakthrough,” that aimed at creating a true to life problematic art. Jacobsen made a significant contribution to the development of literature in Scandinavia, which by the end of the 19th century reached the forefront in Europe.

Key words: aesthetic views, motives of creativity, problematic art, notable contribution

Йенс Петер Якобсен (1847–1885) – один из самых ярких и самобытных датских писателей второй половины XIX в. В 1870-е гг. он активно участвовал в культурном движении Г. Брандеса «Современный прорыв», целью которого ставилось создание верного жизни проблемного искусства. Как и другие видные участники «прорыва», Х. Ибсен, Б. Бьёрнсон, А. Стриндберг, Х. Банг и др., Якобсен внес заметный вклад в развитии литературы Скандинавии, вышедшей к концу XIX в. на передовые позиции в Европе.

Якобсен родился в городе Тистед в богатой купеческой семье. В 1863 г. он переехал в Копенгаген изучать биологию. В университете Якобсен был удостоен золотой медали за работу о пресноводных водорослях. Главными достоинствами молодого ученого, по мнению профессорского жюри, были огромное трудолюбие и целеустремленность. Еще на студенческой скамье Якобсен увлекся теорией Дарвина, которая в то время активно обсуждалась в научных кругах. Труды Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) и «Происхождение

человека и половой подбор» (1871) Якобсен перевел на датский язык и опубликовал в журнале «Нют данск монедскрифт» (1870–1874), освещавшем на своих страницах последние достижения в области естественных наук, философии, искусства и художественной литературы. Редактором журнала был известный литератор и переводчик Ф.В. Мёллер (1846–1904). Он разделял радикальные убеждения Г. Брандеса и сумел сделать свой журнал рупором идей «Современного прорыва». В журнале Якобсен опубликовал несколько статей о дарвинизме. В одной из них он писал о задачах современного естествознания: «Мы изменим представление о произвольном, установленном сверхъестественным образом порядке вещей в пользу представлений о ясной природной упорядоченности, а культу чувств придется уступить место удовлетворению более высоких духовных потребностей» [Писатели Скандинавии о литературе 1982: 25]. Другой источник формирования представлений Якобсена – сочинения немецких философов, критиков религии. Дарвинистское преклонение перед закономерностями в природе дополняется у Якобсена фейербаховским атеизмом. «В христианстве, на мой взгляд, слишком много противоречащего законам природы. Я предпочитаю относиться к христианству как к своего рода мифологии» [Dansk litteratur historie 1971, 3: 62].

На фоне усиленных занятий естественными науками у Якобсена выработалось особое отношение к художественному творчеству. Его увлекала идея создания литературы, которая, подобно науке, могла бы дать ответ на все волнующие человека вопросы. «Бывают моменты, когда мне кажется, будто изучение природы – мое призвание, но иногда я думаю, что должен посвятить себя литературе. Если бы мне удалось выразить вечные законы природы, ее чудеса и загадки на языке поэзии, то, почти убежден, сумел бы создать нечто новое, выходящее за рамки обыкновенного» [Dansk litteratur historie 1971, 3: 61].

Первую попытку объединить научные интересы с художественным творчеством можно отнести к 1875 г., когда у Якобсена возник замысел романа «Атеист». Этот замысел так и не был осуществлен, однако к проблеме атеистического мировоззрения Якобсен вернется, когда начнет работать над романом «Нильс Люне» (1880). В период с 1866 по 1869 г. Якобсен пишет множество стихотворений, предполагая издать их в двух поэтических сборниках «Герберт Сперринг» и «Кактус расцветает». Однако философская глубина и поэтическое своеобразие лирики Якобсена не были по достоинству оценены издателями. Оба сборника стихотворений были изданы уже после смерти Якобсена, в 1886 г.

Сотрудничая в журнале, Якобсен тесно сблизился с Г. и Э. Брандесами. Он участвовал в работе созданного ими в 1872 г. «Литературного общества», в котором живо обсуждались острые проблемы общественной и культурной жизни страны и которое в консервативных кругах называли «Обществом безбожников».

Дружба с братьями Брандес имела большое значение для формирования эстетических взглядов Якобсена. Он разделял идеи Г. Брандеса о литературе, которая создавалась бы на основе научного подхода к явлениям действительности и – одновременно – защищала бы право личности реализовать заложенные в ней возможности. Как и для Г. Брандеса, материалом творчества должна была служить «вся реальность бытия», исключая «трансцендентальные сверхчувственные формы». «Писателю следует руководствоваться знанием законов природы в самом широком смысле этого слова и не переступать грань, отделяющую точное знание от всевозможных догадок и гаданий» [Breve fra J.P. Jakobsen 1968: 120]. Якобсен был согласен с Г. Брандесом и в том, что «изображение исторической и

культурной среды в художественном произведении должно быть точным и убедительным» [Ibid.: 128].

В то же время далеко не все во взглядах Г. Брандеса на художественное творчество удовлетворяло Якобсена. «Сегодня после лекции мы возвращались домой вместе с твоим братом и беседовали о датской литературе. Господи, как в наших взглядах мало общего» [Ibid.: 112], – писал он Э. Брандесу 13 марта 1873 г., выражая решительное несогласие с Г. Брандесом по вопросу тенденциозности искусства. «У меня нет желания принимать участие в дискуссиях о литературе, которая якобы обсуждает проблемы, тогда как ответ на них уже дан заранее», – пишет он далее и заявляет, что «смертельно устал» от лозунга «ставить проблемы на обсуждение» [Ibid.: 113]. По поводу романа Бьёрнсона «Флаги веют над городом и над гаванью» (1884) Якобсен иронически заметил: «Что за вздорное желание сделать главной проблемой романа требование улучшить преподавание психологии в женской гимназии. Просто удивительно, как неглубоко эта проблема вошла в плоть и кровь романа. Вместо нее можно было бы с успехом взять любую другую, и содержание книги ни сколько бы не изменилось» [Ibid.: 156].

В отличие от Г. Брандеса, считавшего, что главная задача писателя – постановка общественных проблем, Якобсен предлагал сосредоточиться на внутренней жизни человека, показать, как раскрывается в нем высокое духовное начало. Именно «духовная эволюция должна быть в центре внимания автора, даже если у читателя может возникнуть впечатление, что характеру героя недостает цельности» [Ibid.: 133], – писал он, объясняя «отсутствие настоящей развязки» в «Кукольном доме» Ибсена незавершенностью развития личности героини. Эта особенность ибсеновской драмы обусловлена тем, что «развитие персонажей, если они изображены правдиво и жизненно, не может вдруг прекратиться, оно постоянно, как в самой действительности. Отношения между людьми не есть нечто застывшее, и, сколько бы мы ни убеждали себя, что в них внесена окончательная ясность, пока герой жив, они все равно будут развиваться и всякий раз требовать новой исчерпывающей характеристики» [Ibid.: 130]. И, напротив, навязывание личности заданной идеи, как, например, у Золя, противоречит жизненной правде. «Человек в одно и то же время жалкое, страшное и удивительное животное. Золя же утверждает, что человек даже в наиболее привлекательных проявлениях своего естества необычайно отвратительное животное» [Ibid.: 132]. Золя, по мнению Якобсена, извращает реальную картину человеческой природы, которая не может быть оценена однозначно.

Впервые свое представление о задачах литературы Якобсен воплотил в рассказе «Могенс» (1872), считающемся литературным манифестом «Современного прорыва». В нем повествуется о молодом человеке, в образе которого, на первый взгляд, много общего с героями романтической литературы. Сын богатого и влиятельного чиновника, Могенс удалился от общества и ведет одинокую жизнь в лесу, где он ощущает гармонию с окружающим миром. Однако его отношение к природе отлично от ее обожествления романтиками. Могенс не признает ничего якобы скрытого в ней таинственного и сверхъестественного. И если природа лишена божественного начала, значит, нет оснований верить и во всемогущего Создателя. Когда во время пожара гибнет невеста Могенса, он в отчаянии молит Бога сделать так, «будто бы ничего не случилось, и невеста вернулась бы к нему». Но небеса глухи к его мольбам. И тогда Могенс теряет веру в «любимого Бога». Проходят годы, Могенс женится, любовь дарит ему возможность вновь ощутить

полноту жизни. В финале рассказа Могенс словно сливается с природой, когда вместе с молодой женой выходит из дома и направляется через ржаное поле к подножью холма.

Современников писателя «Могенс» покорила прежде всего яркой образностью, красочным колоритом, изяществом и лиричностью поэтического стиля, – все это, безусловно, свидетельствовало о выдающемся таланте молодого писателя. Но не менее важной была новизна и оригинальность воззрений, представленных автором в рассказе. «Могенс» – это гимн человеку, решающему проблему выбора самого себя, своей человеческой сущности, и решающему ее не в иллюзорном мире мечты, а в реальной действительности.

Изображению этого трудного, подчас мучительного процесса, требующего от человека максимального напряжения духовных сил, посвящены романы писателя «Фру Мария Груббе» (1876) и «Нильс Люне» (1880).

Весной 1873 г. Якобсен прочитал Г. Брандесу две первые главы романа «Фру Мария Груббе», и летом того же года уехал за границу. Он направился привычным для скандинавских писателей маршрутом через Германию и Австрию в Северную Италию. В Дрездене Якобсен встретился с Э. Брандесом, и они вместе продолжили путь на юг. Когда они прибыли в Венецию, Якобсен простудился и заболел, у него горлом пошла кровь. Он повернул назад и возвратился на родину, в Тистед, где прошел медицинское обследование. Врачи обнаружили у Якобсена прогрессирующую форму туберкулеза, не оставлявшего больному никакой надежды. Через одиннадцать лет борьбы с тяжелой болезнью писателя не стало.

После возвращения в 1874 г. на родину Якобсен нашел в себе силы продолжить прерванную из-за поездки работу над романом. Он несколько раз выезжал из Тистеда в Копенгаген изучать архивные материалы. Главной героиней романа он решил сделать Марию Груббе, заметную фигуру в датской истории XVII в.

Образ Марии Груббе неоднократно привлекал к себе внимание датских писателей. Впервые загадку Марии Груббе попытался разрешить Людвиг Хольберг, которого заинтересовал вопрос: что заставило супругу внебрачного сына датского короля Фредерика III увлечься человеком низкого сословия? В начале XIX в. С.С. Бликер историю Марии Груббе положил в основу рассказа «Дневник сельского пономаря» (1824). Он изобразил ее под именем Софии и перенес действие из XVII в XVIII в. Судьба Марии Груббе волновала и Х.К. Андерсена, который рассказал о ней в истории «Предки птичницы Греты» (1870). Андерсеновская Мария Груббе – сильная и свободная личность – оказалась по духу наиболее близка Якобсену. Однако религиозная идея бренности земной жизни и вечности жизни небесной, воплощенная Андерсеном в истории, не наша отклика у писателя. В отличие от великого сказочника он решил дать судьбе героине романа «научное, исторически и психологически верное» объяснение.

В «Фру Марии Груббе» Якобсен не случайно обратился к жанру исторического романа. Изучение прошлого полностью отвечало его интересам ученого. В процессе работы над романом ему пришлось изучить множество «старых документов, писем и свидетельств <...> об убийствах, прелюбодеяниях, церковных расходах, рыночных ценах <...>, об осаде Копенгагена, о бракоразводных процессах, о крещении детей; списки товаров, родословные, надгробные проповеди», свести воедино «многочисленные зарисовки пестрых событий», сообщения о которых он нашел в архивах, и «связать все это едиными неразрывными нитями» [Ibid.: 132], – словом, воссоздать картину жизни и нравов датского общества XVII в.

Главную героиню романа Марию Груббе он собирался изобразить в полном соответствии с культурно-исторической средой, обычаями и нравами того времени: «Мой план заключался в том, чтобы изобразить Марию Груббе как главное историческое лицо романа, которому я дал подзаголовок “Из семейной жизни XVII столетия”, во всевозможных событиях и происшествиях в культурно-исторической действительности, во всем, чем обусловлено развитие действия...» [Ibid.: 78]. Современникам образ Марии Груббе в романе показался идеализированным. По мнению Х. Банга, опиравшегося на исследования ученых-историков, Мария Груббе была плоть от плоти невежественной среды, где под тонким слоем культуры скрывались дикие первобытные инстинкты. Однако Якобсен не считал, что образ героини романа не соответствовал исторической правде. Писатель не был склонен приукрашивать события и людей, которые несли на себе отпечаток грубости и жестокости нравов своего времени. Точно так же он не собирался представлять героиню романа жертвой врожденных «дурных инстинктов» или неотвратимого влияния среды. Якобсен ставил перед собой задачу совершенно иного рода. В лице Марии Груббе он хотел создать образ человека, отстаивающего естественное право личности «быть самим собой» и проявить лучшие свои качества, заложенные в нем природой. Мария Груббе для Якобсена – это самобытная, цельная натура, для которой борьба за право любить и быть любимой составляет смысл и содержание всей ее жизни.

Образ Марии Груббе в романе находится в постоянном развитии. Якобсен изображает юную Марию своевольной, импульсивной, живущей в мире фантазий. Она выросла без матери, а отец никогда не был близким ей человеком. Копенгагенская родственница, фру Ригице, обращается с Марией ничуть не лучше, чем любовница ее отца. Девушка чувствует себя всюду чужой, никому не нужной. Горьким разочарованием оборачивается для нее встреча с «молодым полководцем» Ульриком Христианом. Блестящий рыцарь вызывает в ней восторг и восхищение, ей кажется даже, будто она его рабыня и несвободна больше: «Словно ей наступили ногой на затылок, словно растоптали ее в прах... Но горечи в этом чувстве не было». Однако зрелище Ульрика Христиана на смертном одре, когда, утратив бывшее мужество, он поднимает вверх обломки сломанной шпаги со словами «прости, Иисусе, прости!», убеждает ее, что он вовсе не тот герой, о котором она так мечтала. Марии остается только «утешаться чтением духовных книг о мирской суете и бренности всего земного». Однако своей красотой и очарованием Мария по-прежнему привлекает к себе внимание мужчин. Вскоре она влюбляется в королевского сына Ульрика Фредерика и выходит за него замуж. Но и он не тот человек, который ей нужен. Опьянение первых дней замужества проходит, и ничто не может заполнить душевную пустоту, избавить от ощущения «бесконечного одиночества и покинутости». После грубого насилия над ней она пытается ударить пьяного мужа кинжалом: «лучшее и благороднейшее в ее натуре» бунтует. Любовь уступает место «невыразимому отвращению». И все же неудачи и разочарования не сломили ее, а, напротив, сделали самостоятельной и зрелой, воспитали чувство духовного превосходства над людьми: «...взор стал теперь свободен и вольно озирается на весь Божий мир, в движениях появилась спокойная уверенность, в речах – почти враждебная утонченность, а в выражении лица – умная осмотрительность».

Следующая встреча – со Сти Хоем, которого в мимолетном ослеплении Мария принимает за «сильного и свободного» человека. Сти Хой поверяет ей, что принадлежит к «потайному содружеству меланхоликов», охваченных жадой наслаждений. Но они не приносят им радости, потому что за каждым успехом

следует разочарование, и всякое счастье отмечено мыслями о смерти и тлене. Поэтому их тайная мечта – церковная келья, аскеза и одиночество, которые только и могут наполнить душу покоем. Мария выслушивает страстные признания Сти Хоя с удивлением. Ей кажется, что его исповедь – это исповедь больной души. Марии тоже знакомо гнетущее чувство тоски, которая, по словам ее священника, не что иное, как «тоска каждой христианской души по царствию небесному». Мария в это не верит, но страшится, что сама не сумеет ощутить всю полноту жизни, такой «великой и богатой». «Гордиться надо бы да радоваться, сколько силы есть, что и ты тут на этом свете. Будь то горе, будь то счастье – лишь бы я страдала да радовалась... Пусть бы жизнь взяла меня в оборот, унизила или вознесла... Пусть бы истаяла я в горе либо сгорела от радости» – она готова принять от жизни все, как хорошее, так и плохое. Она хочет быть безраздельно преданной мужчине, но только если этот мужчина – «хозяин своей судьбы».

Полгода совместной жизни со Сти Хоем убеждают ее в том, что он далек от ее идеала. Теперь она и сама уже не верит, что сможет быть счастливой. Напрасно Мария пытается заглушить тоску развлечениями, которые благодаря богатству может себе позволить. В нее влюбляется молодой и пылкий Золотой Ремигий. Его любовь помогает ей утолить душевную боль. Но он умирает, и Марии не остается ничего другого, как по настоянию отца выйти замуж за «скупого и мелочного» Пале Дюре и провести с этим ничтожным человеком долгие шестнадцать лет жизни.

И вот наконец встреча с молодым конюхом Сёренем Меллером, бесстрашно спасающим из конюшни лошадей во время пожара. Эта встреча неожиданно пробуждает в ней «те же самые заманчивые, полные предчувствий мечты и неутомные надежды, от которых дрожью била ее молодость». Мария знает, что связь с Сёренем уронит ее в глазах людей ее круга, но это ее не пугает. Ведь в Сёрене воплотилась ее мечта о настоящем мужчине.

В последней главе романа Мария – женщина преклонных лет, спокойная, уверенная в себе и не сомневающаяся в правильности своего выбора. В ее жизни было много страданий, но она никогда не изменяла себе и, не считаясь с мнением других, не думая о богатстве и положении в свете, в конце концов все же одержала победу, добилась своего: нашла и полюбила человека, с которым обрела счастье и душевный покой. «Движущая сила в жизни Марии Груббе часто обозначается автором как “længsel” (русс. тоска, жажда, желание. – А.С.), – пишет С.М. Кристенсен. – Это эрос – воплощение могучих сил природы, вечного инстинкта продолжения жизни, бессмысленного или унижающего, по мнению пессимистов, “святого” или “божественного”, в глазах тех, кто любит жизнь. Якобсен как ученый не любил рассуждать о тайнах бытия, но, без всякого сомнения, верил во взаимосвязь природных явлений, в эту жизненную силу, выступающую в различной форме во всем живом, в растениях, животных, человеке. В то же время он не собирался редуцировать эрос до простого либидо или животного инстинкта, а хотел видеть его облагороженным мечтой, духом, культурой. Поэтому он и употреблял слова “længsel”, “higen”, обозначающие одновременно и проявление бессознательного инстинкта и его неразрывную связь с духовным началом, идеалом и мечтой» [Kristensen 1970: 40].

Оценивая роман, Г. Брандес выразил сожаление, что Якобсен не противопоставил «смелую, упорную, необузданную Марию» «смирненным, набожным женщинам» и что он не позволил Хольбергу, «самой светлой, самой разумной голове скандинавской литературы вершить суд над варварством той эпохи» [Kristensen 1970: 40].

Однако Якобсен предпочел роль более объективного исследователя жизни. Он изобразил Марию человеком верующим, однако лишенным христианского смирения и не раскаивающимся в совершенных ошибках. Беседуя с Хольбергом, Мария говорит о себе как о человеке, который «жестоко коснел в грехе и соблазне, но затем долгие годы своей жизни клал все силы, чтобы исполнить свой долг, хотя ни на молитве, ни в открытом покаянии не оплакивал своего прежнего жития». Мария прожила свою жизнь так, как ей подсказывала совесть, она «веровала, по разумению своему, что живет праведно, не надеясь на загробное воздаяние и не молясь о нем».

Проблема духовного освобождения личности, затронутая в финале «Фру Марии Груббе», становится центральной в романе Якобсена «Нильс Люне», создававшемся в период с 1876 по 1880 г. В июле 1875 г., еще до выхода в свет «Фру Марии Груббе», Якобсен сообщил Г. Брандесу, что обдумывает план «романа о современности», в центре которого «проблема атеизма». С этого момента упоминание о новом романе в письмах Якобсена встречается постоянно. В декабре 1876 г. он пишет Мёллеру, что отсылает издателю последние страницы «Фру Марии Груббе» и тотчас же приступает к работе над новой книгой: «Ее основная мысль будет иметь нечто общее с “Отцами и детьми” Тургенева, и она будет более личной, чем “Фру Мария Груббе”» [Breve fra J.P. Jakobsen 1968: 132]. Якобсен оставляет за собой право «каждую новую книгу писать по-новому, независимо от требований каких-либо школ и стилей», сообразуясь только с «требованиями материала». Его новый роман – это «лирическая исповедь» человека, чье «мировоззрение обычно называют пессимистическим, хотя таковым оно вовсе не является». «Герой романа – один из нас, хотя принадлежит к поколению перед нами», заявляет он и добавляет, что проблемы этого поколения он «понимает лучше, чем кто-либо другой» [Ibid.: 133]. В письме Г. Брандесу в декабре 1877 г. Якобсен сообщает, что решил дать роману название «Нильс Люне» с подзаголовком «История одной юности». Он повествует «о людях, которым в то время было столько же лет, сколько нам сейчас, и среди них были свои собственные атеисты <...>. Молодежь в моем романе взрослеет, влюбляется, заблуждается, сбивается с пути, сражается, лишается иллюзий <...>, открывает для себя, как трудно быть атеистами, подвергаясь, с одной стороны, воздействию с детства воспринятых традиций и осуждению со стороны общества – с другой. И все это представлено в мягких, расплывчатых тонах, окутано туманом и погружено в мир любовных томлений, мук, предчувствий, фантазий. В центре романа психологическое исследование характеров» [Ibid.: 138].

Мысль о том, какие трудные требования ставит человеку новое, атеистическое мировоззрение, – ключевая для замысла романа, в котором речь идет о «плохом атеисте», мучительно решающем для себя проблему отказа от религии. Реальной основой проблематики романа послужили острые дебаты по религиозным вопросам, вспыхнувшие в середине 1860-х гг. между епископом Х.Л. Мартенсенем (1808–1884), с одной стороны, и университетскими профессорами философии Р. Ниельсеном (1809–1884) и Х. Брёкнером (1820–1875) – с другой. В этих дебатах участвовал и Г. Брандес, принявший сторону своего учителя профессора Брёкнера. В своих аргументах против Мартенсена Г. Брандес опирался на Фейербаха, для которого мир религиозных представлений возник как отчуждение и объективирование человеческих свойств и желаний. Фейербаховский взгляд на религию как проявление «бессознательного самосознания» человека нашел свое отражение и на страницах романа Якобсена.

Действие романа «Нильса Люне» охватывает период с 1830-х по 1860-е гг. Якобсен обращается в нем к традиционной жанровой структуре «романа воспитания», прослеживая, как и в «Фру Марии Груббе», процесс духовной эволюции героя от его юных лет до последних дней жизни (герой гибнет в датско-прусской войне 1864 г.). Однако, в отличие от объективной по стилю повествования исторической хроники, в «Нильсе Люне» максимально усилено лирическое звучание, а основной конфликт перенесен в душу, и сознание героя и является ключом к самовыражению его личности. Впервые в истории скандинавских литератур создается художественное произведение, в котором субъективное личностное начало играет доминирующую роль. В письме Мёллеру весной 1881 г. Якобсен характеризует содержание романа как «лирическое выражение мировоззрения героя» [Ibid.: 206].

История духовных исканий Нильса Люне – это упорная борьба с романтической мечтательностью, с иллюзорной верой в потустороннее за обретение своего истинного «я», борьба человека, несмотря на поражения и неудачи способного выстоять и торжествовать над обстоятельствами и собственной судьбой.

Жестокая реальность жизни впервые по-настоящему открывается маленькому Нильсу в тот момент, когда умирает от туберкулеза его молодая и красивая тетя Эделе, а его страстные мольбы к Богу «сотворить чудо и не забирать у них ее» остаются без ответа. Потрясенный Нильс отворачивается от Бога, «вырывает его из своего сердца». Но этот бунт еще не означает прощания героя со «сказочной верой во всемогущего Вседержителя, у которого всегда наготове чудо». Он только подтачивает устои его религиозного мировоззрения.

Нильс всерьез заявляет о своем атеизме в студенческие годы, когда усваивает «новые идеи» времени. В духе фейербаховского материализма он доказывает своему приятелю, доктору Йеррилю, преимущество нового, научного мировоззрения перед старым, религиозным: «...в тот день, когда человечество, ликуя, возгласит: “Бога нет!” – в тот день, словно по волшебству, родятся новая земля и новое небо! <...> И как обогатится жизнь, когда все вместится в ней, а не будет оставаться вонне. Поток любви, сейчас восходящий к Богу, вернется на землю, когда опустеет небо, и нежно прольется на все те людские особенности и черты, какими мы изукрасили Бога, чтобы сделать его достойным поклонения». Доктор Йерриль тоже атеист, но он лучше, чем Нильс, разбирается в людях и поэтому скептически относится к его словам: «Вера в карающего, правящего Творца – последняя великая иллюзия человечества, и что, как оно ее утратит? Положим, оно станет умней; но богаче ли, счастливей?»

Весь ход событий в романе подтверждает обоснованность сомнений доктора Йерриля. Процесс расставания со старым, религиозным мировоззрением и замена его новым, атеистическим необычайно сложен. Он требует от героя подлинного мужества, полной мобилизации всех душевных сил. В несчастьях, выпадающих на его долю, полагаться только на себя, на свои силы Нильсу намного труднее, чем надеяться на «покровительство небес». Нильс признается своей юной жене Герде в том, «как мучительно тяжела и безотраднa правда атеизма в горький час в сравнении со светозарным сном о Вечном отце, которому дано разрешать все сомнения». И когда Герду поражает смертельная болезнь, а следом за ней уходит из жизни их единственный сын, Нильс ощущает, что ноша атеизма слишком тяжела, и у него нет сил ее нести. В отчаянии, что он не может спасти умирающего сына, Нильс на коленях молит Бога о помощи, «только Его есть сила вовеки».

Однако точку в споре Нильса с доктором Йерриля ставит не эта сцена, а финальная часть романа. Смертельно раненный в грудь Нильс на больничной койке ожидает своего смертного часа. Но он не теряет мужества. Нильс отказывается от предложения доктора Йерриля пригласить к нему священника, и, «умирая трудной смертью», «бредит о доспехах и о том, что он умрет стоя».

Г. Брандес не был удовлетворен новым романом Якобсена. «В “Нильсе Люне” слишком много разговоров о Боге» и «все атеисты показаны в нем людьми несчастными» [Omkring «Niels Lyhne» 1970: 16], – писал он Э. Брандесу 18 декабря 1880 г., полагая, что Якобсен мог бы более последовательно отстаивать атеистическое мировоззрение. Но, стремясь к безусловной правдивости изображения, Якобсен поставил перед собой иную задачу – показать, что «жить по законам самой жизни», не питая пустых иллюзий и ложных надежд, – трудный личный выбор, требующий огромного напряжения сил.

«Твердость души и та дорогая цена, которую надо за нее заплатить, – вот в каком направлении поворачивается в романе проблема отказа от религиозного мировоззрения и создания мировоззрения нового, чисто человеческого» [Адмони 1969, XIV: 233], – пишет исследователь, по мнению которого такой подход к смене религиозного мировоззрения атеистическим, предъявляющим огромные требования к человеку, сближает Якобсена с Ибсеном и Достоевским.

Восторженную, хотя и не однозначную, оценку замысла Якобсена в романе «Нильс Люне» дал С. Цвейг: «Его Нильс Люне, этот тщедушный полупоэт, был, по сути дела, задуман как борец, как трагический герой, вступивший в самую грозную борьбу духа – в богоборчество. Он был призван стать жертвой и мучеником богоборчества, богоотступничества, того героического атеизма, который возвестил новому миру новое откровение: «Нет бога, и человек – пророк его». Отнюдь не то, что больше всего пленяет нас в этой книге, отнюдь не душевные тревоги личности, пасующей перед действительностью, а богоборчество мысли было всего важнее для Якобсена» [Цвейг 1963, 7: 63]

Для современников писателя творческие достижения Якобсена ознаменовали безусловную победу в датской литературе реалистического (натуралистического) направления: «Те, чьи воззрения, эстетические и этические, во время битвы были поставлены на карту, восторженно приветствовали писателя-победителя. Ему был воздвигнут памятник, ставший своеобразной “вехой” <...>, обозначилась граница между старым и новым в датской литературе» [Банг 1982: 25]

Художественное творчество Якобсена оказало заметное влияние на развитие литературы скандинавских стран и поставило его в один ряд с выдающимися европейскими писателями конца XIX – начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

Адмони В.Г. Роман Йенса Петера Якобсена «Нильс Люне» // Скандинавский сборник. Вып. XIV. Таллин, 1969.

Банг Х. Й.П. Якобсен // Писатели Скандинавии о литературе. М. 1982. С. 24–36.

Цвейг С. Й.П. Якобсен // Цвейг С. Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. М., 1963. С. 457–465.

Brandes G. J.P. Jakobsen // Samlede skrifter. Bd. 3. København, 1919. S. 3–74.

Breve fra J.P. Jakobsen. København, 1968. 214 s.

Dansk litteratur historie. Bd. 3. København, 1971. 608 s.

Ferlov N. J.P. Jakobsen's «Niels Lyhne» // Jakobsen J.P. Niels Lyhne. København, 1952. S. 7–23.

Kristensen S.M. Digtning og livssyn. København, 1970. 140 s.

Omkring «Niels Lyhne». København, 1970. 317 s.

REFERENCES

Admoni V.G. Jens Peter Jacobsen's Novel "Niels Lühne". In: Scandinavian Collection. Issue XIV. Tallinn. 1969.

Bang H. J.P. Jakobsen. In: Scandinavian Writers about Literature. Moscow. 1982, ss. 24–36.

Zweig S. J.P. Jakobsen. In: Zweig S. Collected Works: In 7 vols. Vol. 7. Moscow. 1963, pp. 457–465.

Brandes G. J.P. Jakobsen. In: Samlede skrifter. Bd. 3. København, 1919, ss. 3–74.

Breve fra J.P. Jakobsen. København. 1968. 214 s.

Dansk litteratur historie. Bd. 3. København. 1971. 608 s.

Ferlov N. J.P. Jakobsen's "Niels Lyhne". In: Jakobsen J.P. Niels Lyhne. København. 1952, ss. 7–23.

Kristensen S.M. Digtning og livssyn. København, 1970. 140 s.

Omkring "Niels Lyhne". København. 1970. 317 s.

Сведения об авторе:

Александр Васильевич Сергеев,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Aleksandr V. Sergeev,
PhD
Associate Professor
филологический факультет
Lomonosov Moscow State University
av-sergeev@mail.ru